

КОЛУМБ ИНАКОМЫСЛИЯ

Владимир Дудинцев, который умер в минувший четверг, не дожид до своего сегодняшнего 80-летия считанные дни

Независимая газета. - 1998. - 29 июля. - с. 7

Жанна Васильева

ЕГО ДВА романа, как мощные всплески на кардиограмме, зафиксировали рифмующиеся удары истории. Став предвестниками тектонических сдвигов в обществе, они получили общественный резонанс, который и не снился самым удачливым из буковских номинантов. В 1956 году, после того как Симонов в «Новом мире» опубликовал «Не хлебом единым...», толпы желающих попасть на обсуждение романа в Доме литераторов сдерживала конная милиция. 30 лет спустя в районных библиотеках народ записывался в очередь, чтобы прочитать «Белые одежды» — новый роман Владимира Дудинцева.

Он был одним из последних могикан «литературы больших идей» (по выражению Набокова), берущей начало в традиционных вопросах без ответов русской словесности XIX века и продолжающей не менее традиционные поиски «простоты, добра и правды». Его упрекали в публицистичности... Публицистика действительно была тем лоном, где выношен был его первый роман: работая разъемным корреспондентом «Комсомолки», он писал о митарствах изобретателей и невероятных приключениях таланта в родимом отечестве. Но в гораздо большей степени, чем публицистом, он был систематизатором, которого честная наблюдательность за борьбой видов увела по пути социальных открытий гораздо дальше, чем он мог предположить, вступая на этот путь. Фактически он повторил судьбу своих героев — будь то упрямый изобретатель Лопаткин или записанный в «вейсманисты-морганисты» Федор Иванович Дежкин из «Белых одежд». Жизнь подтвердила точность его собственных наблюдений, изложенных устами неумного Лопаткина: «Они бьют всех инакомыслящих! А инакомыслящих уничтожать нельзя — они, как совесть, нужны тебе же!» (...) Они как раз и считают инакомыслящих врагами. Даже в технике! Но какой же я враг? И ведь норовят клечку приклеить! Машина моя не нравится одному человеку, и они тут же что-то вроде вейсманизма-морганизма придумают — шлеп на спину, и пошел человек гулять с пятном».

Если Лопаткина, виновного только в том, что изобрел машину без помощи ученых знаменитостей, трибунал осудил на 8 лет лагерей, то для автора романа был создан свой трибунал — специальный пленум СП. Картинами общественных судилищ сегодня трудно кого-либо удивить. Хотя, по воспоминаниям присутствующих, там были колоритные детали, вроде выкриков импульсивной литературной дамы: «Если бы, не дай бог, американцы нас завоевали, они бы всех нас, здесь сидящих, перевешали. А этого Дудинцева, конечно, сделали бы мзром!». Показательна, впрочем, не столько живописность деталей, сколько признание самого Владимира Дмитриевича, что именно заданная коллегами по перу «турецкая ба-

ня», как и встреча со следователем на Лубянке, перевела его окончательно в новое качество, еще шире открыла глаза». Четырехжды раненный фронтовик, он только тут открыл свою Америку, пристальное изучение территории которой и займет его в течение следующих тридцати лет. Благо на 30 лет ему было обеспечено прочное писательское молчание.

Эта «терра инкогнита» — человеческая душа, способная на искреннее предательство и самоотверженный подвиг: В «Белых одеждах» он преломляет социальные драмы через призму этики, а травле отечественных генетиков находит параллели-метафоры и в средневековой охоте на ведьм, и в древнеримских театрализованных казнях, и в библейских

татия на истину самоочевидна. Проблема лишь в одном: в умении различить добро и мимикрирующее под него зло, и, как следствие, в умении засомневаться, остановиться, когда тебя подталкивают подложить вязанку хвороста в костер, на котором жгут Яна Гуса. Герои Дудинцева, безусловно, те самые, что живут не хлебом единым... Для Дудинцева источник зла — «уверенность в правоте без достаточных оснований».

Но вот парадокс! Романы Дудинцева, которые так упрекали в публицистичности, в привязанности к быстро проходящей злобе дня, вовсе не превратились в застывшие веки исторического пейзажа «От оттепели до перестройки». Несмотря на некоторую наивность и старомодную об-

ный на добро, как на Полярную звезду, был попросту не нужен. Нравственный компромисс, сознательный самообман стали объектами пристального внимания прозаиков 70-х. Фактически та же смена героя обывателем произошла в 90-х, с той только разницей, что «перестройка», или то, что ей называлось, в отличие от краткой оттепели, имела долговременное продолжение в рыночных реформах... Вот теперь-то, по идее, и должно было бы наступить время Лопаткиных, Дежкиных, Стригале-вых — время изобретателей, ученых, искателей научной истины. Но... Оставшиеся, кому не повезло, получили грант Сороса, работают на трех работах, а живут в итоге на деньги от репетиторства.

Но, собственно, дело даже не в плачевном состоянии нынешних Дежкиных. Дело в том, что те «очки для близорукого добра» или «арсенал доброй воли» (по выражению Георгия Гачева), который Дудинцев предложил своим читателям, фактически остались невостребованными. А могли бы пригодиться чудные максимы Владимира Дмитриевича! Вот хотя бы такая: «Чувство правоты не всегда совпадает с истинным положением вещей. Оно часто совпадает с чувством ожидания пользы... Для самого себя». Но сейчас как раз польза для самого себя и рекламируется как высшая ценность свободного человека. Польза для себя становится истинной правотой. Что, по Дудинцеву, небезопасно для самого человека прежде всего.

В конце «Белых одежд» доморощенный философ Василий Степанович Цвях тост говорит о своем друге Спартаке, у которого мечта — омар попробовать: «Чтоб до омара (...) дойти, много всяких вещей надо надкусить и бросить. Надкусит, тут же рожку скорчит и бросает. Теперь на дно океана потянуло, за омаром. Давай его в кипяток. (...) А дальше у него судьба — как у обыкновенного рака. Что будем искать дальше? Где успокоимся? (...) Я Спартаку черного хлеба тогда поддал. Пожуй... Не как самолюбивый крестьянин сказал, нет. <...> Не-е, я с другим значением. Черный же хлеб создан судьбой. А омар — простая животино. Черный хлеб — родной брат русского человека. Он — свидетель истории. Горя и счастья. А не омар. Кто воевал и голодал, знает, что черный хлеб вкуснее всего. В нем есть такие оттенки... Тончайшая гармония... <...> А Спартак рожку скорчил, посмотрел — и я сразу тогда понял: этот человек гладкий, он осужден, чтоб гнаться за счастьем. Бразды юдольный свет. И никогда не догнать. Не человек, а вещь».

Сегодня у нас и омары, и устрицы на прилавке. И вроде бы странно спорить, что нужнее, черный хлеб или омары. Ценности эпохи постмодерна всегда готовы заменить друг друга. Романы Дудинцева своей определенностью, своей верой в то, что истина — единственная и к ней нужно стремиться, чтоб не заблудиться в трех соснах, похожи на тяжелый кирпич ржаного хлеба, на фоне ларькового изобилия ушедший в тень, но от этого не потерявший насущной необходимости.

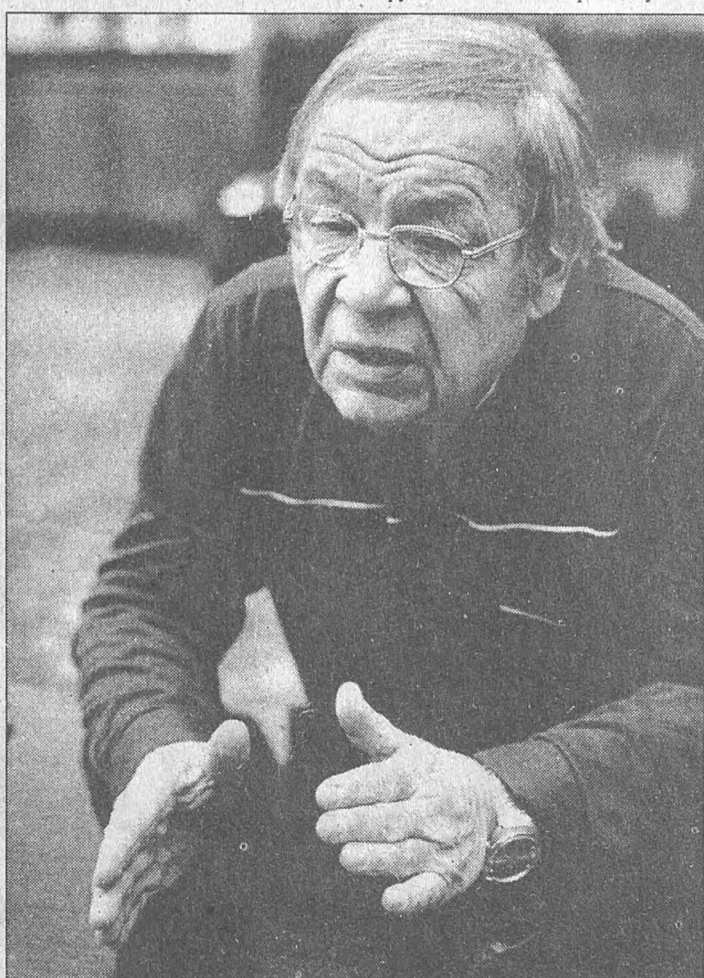

Фото Бориса Кауфмана (НГ-фото)

сюжетах... В романе «Белые одежды» поиск закономерностей неласковой судьбы, как и тема экзистенциального испытания, становится одним из любимых и постоянных мотивов. Другое дело, что герои Дудинцева, в отличие от Гамлета, которого они постоянно вспоминают, вовсе не решают вопрос «Быть или не быть?»... Их приверженность добру и истине, а и готовность пойти ради них на подпольное существование, на конфликт с властью, изначальноны. И для Стригалева, который вывел новый сорт картофеля, и для его двойника-соперника Дежкина, спасающего этот сорт, и для их студентов ориен-

стоятельность, их очень и очень полезно перечитать. Не только тем, кто с ностальгическим вздохом или с обвинительным пафосом вспоминает о процветании советской науки в 40–60-е. Герои Дудинцева появились в 1956 и в 1987 годах как герои, востребованные временем. Мощные социальные сдвиги, казалось, открывали историческую перспективу им — беспроблемным и правдолюбам, для кого притяжение истины и добра — вроде силы тяжести, дарующей землю как опору. Но вслед за «искателями» 60-х пришли герои 70-х, для которых компас, созданный Дудинцевым, ориентирован-